
УДК 82.0(470)
ББК 83.3(2Рус)6
Л66

Личманова Т.О.

Аспирант кафедры литературы и методики ее преподавания Армавирской государственной педагогической академии, e-mail: Yashic2@yandex.ru

Образ смерти в «Степной книге» Олега Павлова *(Рецензирована)*

Аннотация:

Анализируется образ смерти в цикле рассказов О. Павлова «Степная книга», являющийся на протяжении всего повествования и являющийся ключевым для осмысления данного произведения, символичным для всей прозы писателя в целом. Именно отношение героев к смерти помогает автору раскрыть подлинную природу человека.

Ключевые слова:

Образ смерти, автор-повествователь, рассказ, персонаж, мотив, герой, градация, символ.

Lichmanova T.O.

Post-graduate student of the Department of Literature and Techniques of its Teaching, the Armavir State Pedagogical Academy, e-mail: Yashic2@yandex.ru

The image of death in «Steppe Book» by Oleg Pavlov

Abstract:

The paper provides an analysis of the image of death in a cycle of stories “The Steppe Book” by O.Pavlov. This image, emerging throughout the narrative, is the key in understanding this work and symbolic for the writer’s prose in general. Just the attitude of heroes to death helps the author to reveal the true nature of a man.

Keywords:

The image of death, the author-narrator, story, character, motive, hero, gradation, symbol.

«Степная книга» Олега Павлова объединяет в себе ранние рассказы писателя, которые были написаны в течение восьми лет. В книге четко были обозначены основные вопросы, проблемы, созданы первичные абрисы образов, сюжетных зарисовок, которые в дальнейшем найдут свое воплощение в последующих произведениях писателя. Например, рассказ «Земляная душа» «прорастет» в «Казенной сказке», а «История водочной вышки» станет частью сюжета «Дела Матюшина».

Первый рассказ «Степной книги» – «Тайная вечеря» – вводит читателя в атмосферу «дремотной» усталости, граничащей со смертью. Сон в произведениях О. Павлова является прообразом смерти. Присутствие ее ощущается наиболее остро в «великой степи» каждым живым существом: от «пшена», «ящерики» до человека.

Автор начинает повествование с описания мух, которые то и дело опускались служащему на плечо или на веко, и «солдат доставлял их туда, куда надо

им было прибыть по мушиным хлопотам», уносит «на себе стайку казарменных мух» [1]. Благодаря такому описанию возникает ощущение мертвенности этих людей еще при их жизни. Так уже с самых первых строк рассказа автор создает образ близко присутствующей смерти, не оставляющей людей. Образ смерти является центральным и раскрывается на всем протяжении цикла, пройдя сложную цепь трансформаций: от символа до реальной, физической смерти героев. Для этого писатель использует прием градации.

Следует отметить, что в первом рассказе писатель подчеркивает одну из главных черт казарменного бытия. Это невозможность самостоятельности действий и мыслей, доведенная до рефлекса, что находит свое выражение в констатации этого явления самим лирическим героем: «раскашлялся и я», «задышал и я», «он зачавкал своей кашей... зачавкали все» [1]. И мухи в рассказе становятся уже не просто атрибутом смерти, но и олицетворением того режима, который существует в армии, – и вне ее, в системе советского строя (что позволяет нам не согласиться с В. Курбатовым, который говорит о том, что в книге «никакого времени нет» [2]). Особенно ярко это проявляется в эпизоде, когда солдат, вдохновленный мыслями о Боге, о котором «можно было думать сколько угодно. Дольше, чем выскребешь котелок» [1], «без приказа» теребит «пуговицу на кительке». При сопоставлении реплики о котелке с названием рассказа возникает ветхозаветная аллюзия, что «не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа...» (Второзаконие, гл.8, ст.3).

«Библейское слово, в этом случае следует трактовать при помощи таких терминов, как «стержневой компонент», «канва» произведения и им подобных [...] данный подход может быть очень продуктивным не только при изучении творчества писателей, откровенно ориентированных на поиск высоких би-

блейских истин... но и при рассмотрении произведений как просто атеистических, так и откровенно богоборческих» [3: 30].

Дальнейшее повествование в рассказе «Гайная вечеря» библейское утверждение опровергает – в казарме все живут от еды до еды. Об этом свидетельствуют многочисленные авторские реплики на эту тему: «Я ступлю на грешную землю, я отправлю в еще немеющий рот ложку горячего супа, как вселенское послание...»; «... Но в госпиталь привезли хлеб. Нас позвали из садика хлеборезы узбеки... и я забыл про хромого» («Сад»); «Котелок – это такое приспособление, из которого солдат ест и пьет, чтобы дольше пожить на свете» («Горе в котелке») и т.д.

Когда солдат не по уставу «теребит» пуговицу, «самовольной» выходкой своей он тревожит мух – «и они зажужжали». У окружающих это вызывает соответствующую реакцию: «Оторопев, солдаты глядели на меня пустыми глазами, но не спрашивали ни о чем» [1]. Однако далее ничего не происходит, потому что, «как по уговору, рота... встала у столов», и «мухи стали рассаживаться на солдатах». Этот отрывок можно интерпретировать как иллюстрацию утраты своего личного «я», утраты своей свободы: «тогда и я повесил свой котелок на ремень» [1], – когда обстоятельства оказываются сильнее героя. Герою ничего не остается делать, лишь внутренне, недоумевая, вопрошать: «Братки, может, знает кто: куда, скажите, Бог муху приведет, если она, по случаю, на него, как на нас сядет?» [1].

В дальнейшем повествовании усиливается момент созерцательности, что подчеркивает «инаковость», «исключительность» лирического героя. И солдат, которые становятся частичкой «общего мира», в котором «не имеешь права хоть чем-то отличаться от других» [4], он оценивает уже со стороны.

Схожие мотивы можно встретить в повествовании «Мое прошлое» А. Кима, как и О. Павлов, служившего в конвой-

ных войсках: *«Армейская же солдатня, жизнь – вся от самого начала и до последнего часа – представилась мне безобразной... одна только тупость и примитивная власть насилия безликой системы над человеческой личностью...»* [5: 70].

Если в начале «Степной книги» появляется только атрибут смерти (мухи), то уже в следующем рассказе «Понарошку» тема смерти ярко звучит в восклицаниях лейтенанта Хакимова: *«А знаете ли вы, что вас могут убить?!.. А ведь не знаете!»* [1], – затем обращается мнимой смертью героя-повествователя из рассказа «Живой», которая также предзнаменует неотвратимость грядущих смертей.

Нелепое убийство «ящерок» из «Караульных элегий» станет символом того, что ожидает не только «краснопогонников», но и заключенных. Право говорить об этом нам дает и название рассказа, которое совпадает с названием первой части «Степной книги» (что свидетельствует о его ключевой роли), и явная параллель между «ящерками» и людьми в «Караульных элегиях»: *«...Народившись в лагере, ящерки погибали в нем. Как ни трудись, а не могли они на волю из бурой накипи проволоки выплеснуться»* [1]. В рассказе «Облака» ни зеку, ни конвойному Смирнову, словно ящеркам, не дано вырваться из «бурой накипи проволоки». Смерть конвойного выглядит такой же нелепой, случайной, как и смерть «ящерок» из «Караульных элегий». Но именно она заставляет героя-повествователя задуматься над вечными вопросами бытия. Этот рассказ больше других наполнен созерцательностью и философскими размышлениями. Примечательно, что настроение и необъяснимая тяга к небу совпадает со словами о необъяснимой любви к облакам в одноименной главе «Поющего сердца» И. Ильина. Но если О. Павлов не дает четкого ответа на вопрос: отчего солдаты на небо «глядят»? – у И. Ильина мы находим объяснение: *«Этот дар дается нам для того, чтобы нам было куда спастись из*

этого перенапряженного, замученного мира, с его злобой и тяготой...» [6].

В рассказе «Часики» появляется не типичный для прозы Олега Павлова герой. Это человек с природной гордостью, борец за справедливость, на все готовый ради правды. Стимулом для того, чтобы пережить все ужасы казарменного бытия, поначалу служило ему несогласие с существующим порядком: *«Разве я не равный со всеми, и почему отдавать должен, что своим горбом нажил?»* [1]. Затем – рьяное желание отомстить солдату-повару Ване, который ради «часиков» подставил его. Это же желание спасает его от самоубийства, ибо в мести он видит смысл жизни: *«Стало быть, я над парашей кончусь, а он еще жить останется, есть и пить то, что мне бы полагалось?! ... нет, родимый ты мой, погоди, вот она для чего мне нужна, эта жизнь треклятая. Все буду терпеть до поры, пока Ваняту своим судом не раздавлю»* [1]. В этом рассказе намечается еще одна важная тема, которая четко прозвучит в отношениях Матюшина и Реброва (роман «Дело Матюшина») – вражда и разрозненность солдат, и прежде всего – русских солдат: *«Они цеплялись за жизнь и только тогда думали, что живут, когда выдергивали пайку друг у друга. Спали под шинелями, замерзая холодными ночами, потому что не желали прижаться друг к другу, каждый берег свое тепло»* [1].

Когда герой «Часиков» наконец-то приходит к «заветной» цели, то видит, как Ваня унижается перед «чурками»: *«под ногами ползает с тряпкой и тазиком. Они его матерят и объедками из мисок кидаются»* [1]. Тогда он понимает, что это уже другой человек: *«...Для меня тот человек, которого он за волосы таскал, Ванькой уже не был, будто Ванька мой где-то в земле зарыт»* [1] – и что это «они» Ваньку у него «отняли». Это обстоятельство позволяет главному герою обрести истинный смысл жизни, и солдат, опомнившись, осознает, что должен жить ради матери, так как она единствен-

ный человек, «который любит». Именно это прозрение возвращает его на правильный жизненный путь. Герой решается отдать злосчастные «часики» освободившемуся зеку, за которого он «порадовался, что человек освободился, выжил» [1].

Далее в «Степной книге» следует череда смертей, и не случайно к концу повествования появляются персонажи, которые способны на самоубийство или убийство, как например, умалишенный Дема («Задушевная песня»), Петя-Петушок (рассказ «Петушок»), солдат-интеллигент (рассказ «Гнушин и Мария») и солдат из рассказа «Беглый Иван». Отношение различных героев к смерти дает возможность писателю раскрыть подлинную природу каждого человека, проверить его на прочность. И не каждый из солдат может перенести испытание, так как оказывается слабым духовно: *«Бегут же, кончают с собой и совершают преступления не те, кто*

слабей физически, а у кого не выдерживает душа» [7]. Возможно, это и обуславливает выбранный автором прием градации. В начале книги читатель видит сильные, с авторской точки зрения, характеры, которые смогут преодолеть «казарменный мир», а в конце – тех, которые не способны пройти этот тяжелый путь. Эта же схема определяет и место героя-повествователя. Как главный персонаж, он появляется в первых рассказах, а в дальнейшем – лишь как свидетель происходящего.

В одном из интервью писатель говорит: «Это всё же очень жестокая жизнь, это именно испытание, прямо так и созданное, будто нарочно; но имеет ли оно право быть, если кто-то его не выдерживает или заведомо обречён на то, чтобы получить в итоге только смерть?» [4]. Однако в «Степной книге» ответа на это вопрос Олег Павлов не дает.

Примечания:

1. Павлов О. Степная книга. URL: http://www.libtxt.ru/haetskaya_elena/23099-Stepnaya_doroga.html.
2. Курбатов В. Призванные из пустоты. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/1999/9/kurb-pr.html>
3. Педченко В. Евангельское слово в художественном истолковании А. Пушкина, Н. Рубцова и В. Галактионовой // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2009. Вып. 2. С. 29-32.
4. Павлов О. Этот казарменный мир... URL: <http://index.org.ru/journal/19/pavlov19.html>
5. Ким А. Мое прошлое // Октябрь. 1998. № 2. С. 5-108.
6. Ильин И. Поющее сердце. URL: http://ruskolokol.narod.ru/biblio/iljin/pojushee_serdze.html
7. Павлов О. Рабы в солдатских робах. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/1997/10/pavlov.html>

References:

1. Pavlov O. The steppe book. URL: http://www.libtxt.ru/haetskaya_elena/23099-Stepnaya_doroga.html.
2. Kurbatov V. Called from the emptiness. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/1999/9/kurb-pr.html>
3. Pedchenko V. Evangelical word in A. Pushkin, N. Rubtsov and V. Galaktionova's literary interpretation // Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts».

2009. Issue 2. P. 29-32.

4. Pavlov O. This barrack-like world... URL: <http://index.org.ru/journal/19/pavlov19.html>
5. Kim A. My past // October. 1998. № 2. P. 5-108.
6. Iljin I. A singing heart. URL: http://ruskolokol.narod.ru/biblio/iljin/pojushee_serdze.html
7. Pavlov O. Slaves in soldier's overalls. An electronic resource. An access mode: <http://magazines.russ.ru/october/1997/10/pavlov.html>